

Вестник Европы.

Т.229.

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 62
ББК 65

Вестник Европы.: Т.229. / – М.: Книга по Требованию, 2011. – 901 с.

ISBN 978-5-4241-4391-5

ISBN 978-5-4241-4391-5

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1327

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

sept. oct

ТРИЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXXIII. — ТОМЪ CDIII. — 1/14 СЕНТЯБРЯ 1904.

1329

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

229

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1904

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
352147
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1903 L

3871

„ПРИЗРАКИ“

КАКЪ

ИСПОВѢДЬ ИВ. С. ТУРГЕНЕВА

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ 1863 году, Ив. С. Тургеневъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта. Ему было сорокъ-пять лѣтъ; онъ насчитывалъ двадцать лѣтъ литературной дѣятельности,—и какой дѣятельности! Къ этому времени имъ было создано уже все то, что одно могло бы упрочить за нимъ славу первостепеннаго художника слова. Последній въ то время его романъ „Отцы и Дѣти“ — капитальное произведеніе, вполне сильное и зрѣлое, — затрогивалъ жгучій общественный вопросъ и тѣмъ глубоко волновалъ публику. Появленіе этого романа и впечатлѣніе, произведенное имъ на критику и читателей, совпали съ переломомъ въ душевной жизни писателя,—переломомъ, который отразился и на производительности его таланта, и на характерѣ творчества, и на настроеніяхъ его личной жизни. Въ этихъ настроеніяхъ, поскольку они выражаются въ перепискѣ его, начинается дѣлаться замѣтною съ тѣхъ поръ какая-то усталость, какъ будто сомнѣніе въ своихъ силахъ и въ возможности создать еще что-нибудь крупное, значительное; жалобы эти по временамъ возвращаются до самаго конца жизни писателя, несмотря на то, что имъ написано было еще два большихъ романа на общественныя темы и немало повѣстей и рассказовъ, въ которыхъ упадка таланта никакъ нельзя было видѣть. Въ производительности его наступаетъ только нѣкоторый перерывъ,

что и не удивительно, послѣ того подъема, которымъ отмѣчена эта производительность съ 1855-го по 1861 г. Тогда онъ въ шесть лѣтъ написалъ четыре такихъ романа, какъ „Рудинъ“ (1855 г.), „Дворянское Гнѣздо“ (1858), „Наканунъ“ (1859) и „Отцы и Дѣти“ (1861), шесть большихъ повѣстей, какъ: „Переписка“, „Як. Пасынковъ“, „Фаустъ“ (1855), „Поѣздка въ Польшу“, „Ася“ (1857) и „Первая Любовь“ (1860), не считая мелкихъ статей, воспоминаній и т. п. (о Грановскомъ, о художникѣ Ивановѣ, „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“, Проектъ общества грамотности и т. п.). А затѣмъ, въ слѣдующія пять лѣтъ, онъ даетъ только три небольшіе этюда: „Призраки“ (1863 г.), „Довольно“ (1864 г.) и „Собака“ (1866 г.). Здѣсь впервые выступаетъ въ творествѣ Тургенева элементъ фантастики, который до сихъ поръ отсутствовалъ у этого, казалось бы, трезваго наблюдателя природы и общества. Впервые у него средствомъ поэтическаго воздѣйствія на читателя являются болѣзненные настроенія его персонажей, необъяснимыя у нихъ видѣнія, сношенія съ загробнымъ міромъ и т. п. Къ фантастическому элементу поэзіи присоединяется еще и усиленная въ ней склонность къ пессимизму. Склонность эта всегда лежала въ основѣ Тургеневскаго таланта и сказывалась мягкимъ, элегическимъ тономъ повѣствованія. Но теперь творчество его отмѣчено особою грустью, такимъ скептицизмомъ и уныніемъ, какъ будто вся жизнь человѣчества повернулась къ поэту одной темной своею стороною. И именно этотъ мрачный взглядъ на жизнь онъ и хочетъ теперь изобразить намъ. Но сперва, въ „Призракахъ“, онъ его какъ бы утаиваетъ подъ покровомъ фантастическихъ видѣній. Отъ проницательности и критическаго чутія его близкаго друга, П. В. Анненкова, субъективный и даже автобіографическій характеръ разсказа не скрылся; но Тургеневъ не счелъ нужнымъ открывать его другимъ пріятелямъ. Фету, напримѣръ, онъ обозвалъ „Призраки“ чѣмъ-то не имѣющимъ человѣческаго смысла, произведеніемъ „очепушившейся“ фантазіи! А между тѣмъ, оказывается, что чувства, внушившія это произведеніе, имѣли серьезный смыслъ и далеко не были выдуманнми или поверхностными; напротивъ, они коренились въ авторѣ такъ глубоко, что дали потомъ содержаніе и слѣдующему произведенію, „Довольно“. Въ этомъ „Довольно“ тотъ же скептицизмъ теоретической мысли, и такая же мучительность этого скептицизма для живой души человѣка изливается въ ясно опредѣленной лирической формѣ; но въ „Призракахъ“ поэтъ какъ бы только еще провѣряетъ себя и свои чувства на отдѣльныхъ картинахъ міровой жизни и жизни

человѣчества. Если мы ближе всмотримся въ эти картины и вдумаемся въ ихъ послѣдовательность, мы найдемъ и самую основу пессимизма у нашего поэта,—пессимизма, особенно обострившагося въ этотъ моментъ его жизни. И мы увидимъ тутъ не только картину личной души Тургенева, но и психологическій моментъ, переживаемый цѣлымъ поколѣніемъ и не въ одной только Россіи.

Тургеневъ назвалъ „Призраки“ фантазіей; такъ же названо у Фета и то красивое стихотвореніе, изъ котораго онъ заимствуетъ эпиграфъ: „Мигъ еще—и нѣтъ волшебной сказки... И душа опять полна возможнымъ“... Въ Тургеневской сказкѣ мы видимъ рядъ небольшихъ картинъ, удивительныхъ по своей яркости и по силѣ выразительности. Связаны эти картины вѣшнейю фаволою, до сихъ поръ у Тургенева небывалою: это—необъяснимое появленіе безплотнаго существа, имѣющаго возможность, побѣждая пространство и время, дѣлать и человѣка участникомъ своихъ полетовъ и очевидцемъ различныхъ зрѣлищъ прошлаго и настоящаго. Оставимъ въ сторонѣ эту фантастическую фавулу съ ея загадочною Эллисъ, и попробуемъ установить внутреннюю связь картинъ,—символическихъ видѣній поэта. Назовемъ поэтомъ того анемичнаго помѣщика, отъ имени котораго ведется разсказъ, отчасти потому, что въ немъ дѣйствительно много свойствъ поэтической природы автора, а также и потому, что только поэтъ можетъ видѣть и изобразить то, что ему показываетъ Эллисъ.

Отдавшись во власть Эллисъ, поэтъ поднимается на страшную высоту; но тамъ его охватываетъ ужасъ; онъ спѣшитъ опуститься къ землѣ и движется въ непосредственной близости отъ лѣса, отъ рѣви, съ интересомъ замѣчая всѣ особенности ночного пейзажа. Проносится онъ и надъ уѣзднымъ городомъ, гдѣ все отягчено сномъ, все безмолвно. Освоиваясь понемногу съ полетомъ, онъ хочетъ большихъ разстояній, большей отдаленности... Выборъ предоставленъ Эллисъ, и она приноситъ его въ утесу Благангъ—на о. Уайтъ, гдѣ разбиваются и гибнутъ корабли. Тутъ картина ужаса, смерти и разрушенія: разъяренное море, леденящее дыханіе расколыхавшейся бездны—этотъ произволъ враждебной человѣку стихіи—подавляетъ поэта своимъ безмѣрнымъ, космическимъ могуществомъ; душа его наполняется ужасомъ, онъ не выдерживаетъ этого зрѣлища: „прочь, прочь отсюда... домой, домой!“ И онъ очутился—какой контрастъ съ только-что побитыми видѣніями хаоса, скрывающаго въ себѣ гибель человѣку!—на плотинѣ своего пруда... Первый слабый